

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ

DOI 10.20339/AM.09-17.043

Н.С. Розов,
д-р филос. наук, проф., в. н. с.
Институт философии и права СО РАН
e-mail: nrozov@gmail.com

ПРЕОДОЛЕТЬ СТАГНАЦИЮ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ – К КОНКУРЕНЦИИ КАЧЕСТВА¹

Рассмотрены негативные эффекты растущей бюрократизации университетского образования. Построена модель взаимосвязи переменных, объясняющая парадоксальный эффект: стагнацию и даже деградацию качества образования при наращивании контроля и отчетности, призванных повысить показатели для рейтингов. Для каждого основного компонента качества современного университетского образования намечены необходимые практики и структуры. Средствами той же модели взаимосвязи переменных показаны требуемые связи между интересами администрации, преподавателей университетов и качеством образования, которые в настоящее время отсутствуют в большинстве российских университетов. Показано, почему и через какие механизмы здоровая конкуренция в сфере качества образования эффективней, нежели наращивание централизованного бюрократического контроля.

Ключевые слова: качество образования, бюрократизация образования, развитие университетов, фундаментальность образования, актуальность образования, общекультурная компетентность, востребованность компетенций, конкуренция в образовании.

OVERCOME STAGNATION OF UNIVERSITY EDUCATION: FROM BUREAUCRATIC CONTROL TO COMPETITION OF QUALITY

N.S. Rozov is Dr.Sci. (Philosophy), prof. at Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of RAS

Analyzed are negative effects of growing bureaucratization of university education. Model of interrelation between variables is constructed. It explains the paradoxical effect: stagnation and even degradation of the education quality is driven by increasing control and reporting which is designed to raise the ratings as factors and aspects of this quality. For each basic component of quality of modern university education defined are necessary practices and structures. By means of the same model interrelations of variables shown are required links between interests of administration, university professors and the quality of education, that are currently absent in most of Russian universities. Also shown is, why and through what mechanisms healthy competition in the sphere of quality of education is more effective than growth of centralized bureaucratic control.

Key words: quality of education, bureaucratization of education, development of universities, fundamentality of education, actuality of education, general cultural competence, demand for competences, competitiveness in education.

Бюрократический гиперконтроль – фактор стагнации

Сегодня университеты, особенно региональные, задыхаются от бюрократического пресса. Стон раздается по всей высшей школе России, вернее, сдавленные хрипы и всхлипы в каждом отдельном университете и академии: «опять надо готовить новые программы (учебно-методические комплексы, перечни компетенции и проч.) по новым стандартам, опять надо готовить горы документов для очередной аккредитации или внеочередной проверки» и др.

В своих поездках с лекциями в вузы разных городов, от Санкт-Петербурга до Владивостока, я везде разговариваю с профессорами, деканами и заведующими кафедрами. Настроения выражаются одним словом: «Замучили!». Работать со студентами некогда, изучать новую литературу некогда,

вести содержательные обсуждения на кафедрах некогда. Всё время и все силы тратятся на обновление и распечатку всё новых и новых программ, подготовку справок, причем все уверены, что в министерстве никто этого не читает. Каждый сетует в одиночку, зная бессмысленность своего «мартышкиного труда», продолжает делать «что прикажут», тогда как министерские чиновники изобретают всё новые стандарты и требования, всё туже стягивают удавку зависимости на горле российских вузов.

Оценки положения университетов в современной России скачут от самых высоких оценок («сохранение славных традиций плюс инновативность») до самых низких

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-03-00437 «Реформируемая наука. Институциональные и социальные последствия реформы академической науки в России».

(«глубочайший кризис»). Более адекватно понятие «стагнация»: несмотря на непрерывные реформы (в т.ч. переход к системе бакалавриат – магистратура, учету кредитных единиц, компетенций и др.), построение иерархии (начиная от федеральных и исследовательских университетов), немалые финансовые вливания для «попадания в топ-100», чехарду обновления стандартов российские университеты за малыми локальными исключениями остаются вполне советскими – ригидными, авторитарными, забюрократизированными и отсталыми учреждениями с нещадной эксплуатацией бесправных преподавателей и профессоров². Настоящая крупная «новация» состоит только в радикальном росте доли платного образования и заоблачных доходах университетского руководства.

Известны тенденции развития сложившегося социально-политического режима с усилением идеологического контроля, а также технократизма благодаря упору на специальности, значимые для добывающей и военной промышленности. Вряд ли эти тренды приведут к краху университетского образования, скорее, они обуславливают закрепление его в состоянии стагнации с неуклонным загниванием, деградацией [2–5].

Действительно, общий уровень подготовки падает, оценки и дипломы беззастенчиво покупаются. Сложился даже некий «общественный консенсус» между вузовской администрацией, преподавателями, студентами и родителями: первые распределяют деньги, не забывая себя, вторые делают вид, что учат, третьи делают вид (в лучшем случае), что учатся, третьи платят, скорее, за отсрочку от армии и социальный статус ребенка, чем за получение им квалификации.

В последние годы из всех стратегий развития высшего образования наиболее распространенной, хотя явно и не прокламируемой, является *презентационная стратегия* – направленность на «попадание в топ-100» или скромнее на повышение позиции университета в различных международных и отечественных рейтингах [11]. Именно на такую деятельность выделяются из бюджета крупные суммы денег, в самих университетах создаются специальные отделы, призванные повышать заданные показатели, министерские внимание и контроль направлены на соответствующую отчетность.

На этот начальственный вызов следует ответ – массовые реакции преподавателей, вынужденных сосредоточить внимание на формальном выполнении требований, причем без какой-либо связи с развитием научных исследований и совершенствования учебного процесса. Побочные следствия (издержки и напряжения) такой активности состоят в вытеснении забот о качестве образования, а это ведет уже к деградации самих университетов.

А. Кабацков и О. Лейбович сумели известные реалии преподавания в вузах (отчетность, аккредитации, проверки,

контракты, бесконечные стандарты и переписывание программ, гонка за публикациями и др.) увязать с исторической (на самом деле макросоциологической) моделью закрепощения/раскрепощения [5]. Добавить сюда нужно еще четыре процесса модернизации по Р. Коллинзу: секуляризацию, бюрократизацию, капиталистическую индустриализацию и демократизацию [6]. История не движется линейно «вперед и вверх». Следует учитывать также, что страна иногда переживает периоды контрмодернизации с обратными или специфическими трендами.

Действительно три процесса вполне очевидно имеют место в наших сегодняшних университетах:

- ◆ бюрократизация, только направленная не на повышение качества образования, а лишь на дисциплинирование и «попадание в топ-100» («презентационная стратегия»)³;
- ◆ контрдемократизация как свертывание университетской автономии и академических свобод (отмена выборов ректоров, замена деканов директорами и др.)⁴;
- ◆ десекуляризация (вхождение полугосударственной церкви не только в среднюю, но уже и в высшую школу).

Пожалуй, имеет место также некапиталистическая индустриализация в автоматизации контроля за преподавателями (от фиксации прихода-ухода до видеорекамер), в требованиях создавать видео- и интернет-курсы и др. Некапиталистичность означает отсутствие частных инвестиций, заемного капитала и расчета на прибыльность. Иными словами, повторяются кампании «внедрения» в советской промышленности.

Системная природа парадокса

Как и почему происходят эти процессы (преимущественно контрмодернизационные) – большой интересный вопрос о глубоких слоях причинности.

Попробуем на теоретическом уровне объяснить парадоксальный эффект: стагнацию и даже деградацию качества образования при наращивании контроля и отчетности, призванных повышать показатели для рейтингов, пред-

² «Преподаватель теперь обязан работать строго по государственному стандарту, фиксировать свои образовательные практики в соответствующих формах отчетности, быть готовым держать ответ за результативность своих действий. Администрация вуза несла ответственность за исполнение государственных предписаний. Для этого ей было необходимо прикрепить преподавателя к рабочему месту, лишиться его возможности находить альтернативные формы заработка, загрузить новыми видами работ» [5].

³ Ср.: «От кафедр, а затем и преподавателей требуют перестроить свою работу в соответствии с целями организации: с одной – коммерческой – стороны: поддерживать режим жесткой экономии, не допускать потери клиентов, более того, искать и приводить абитуриентов, т.е. обеспечивать себя работой на будущее; с другой – рейтинговой: увеличить объем научной продукции, обеспечить документальное сопровождение всего образовательного процесса. Критерием успешной работы образовательной организации становятся оформленные по всем правилам бюрократии многочисленные отчеты. В язык преподавателей входят новые слова: учебно-методический комплекс – он же УМК, рабочая программа учебной дисциплины – она же РУПД или РПД, методические указания (МУ) и другие термины. Использование их для повседневной коммуникации на кафедре стало еще одним символом бюрократизации образовательного пространства. Текущие формы отчетности о работе преподавателя со студентами также трансформировались в сложную схему многочисленных оценок, вычисления пропорций и коэффициентов, которые далеки от единого понимания как преподавателями, так и студентами» [5].

⁴ Ср.: «Курс на интеграцию в европейскую образовательную систему – так называемый «болонский процесс», провозглашенный Министерством образования РФ, означал на деле свертывание академических свобод: унификацию учебных курсов и дисциплин, введение обязательных государственных стандартов, наконец, далекоидущую формализацию всех образовательных практик. Болонский процесс в российском варианте означал возвращение государства в мир образования и науки. Преподаватели приступили к освоению нового университетского словаря: аттестация, аккредитация, кредитно-модульная система, тестирование» [5].

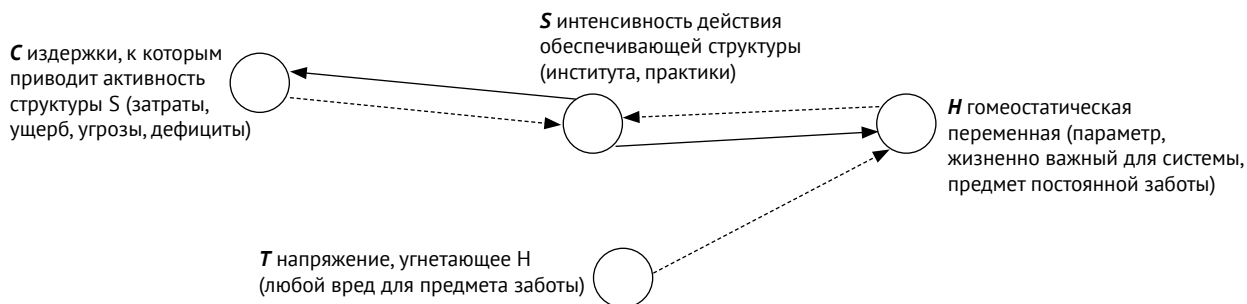

Рис. 1. Модель функциональной причинности по А. Стинчкомбу. Здесь и далее сплошные стрелки означают положительную (усиливающую, увеличивающую) связь, а пунктирные – отрицательную (ослабляющую, уменьшающую) связь

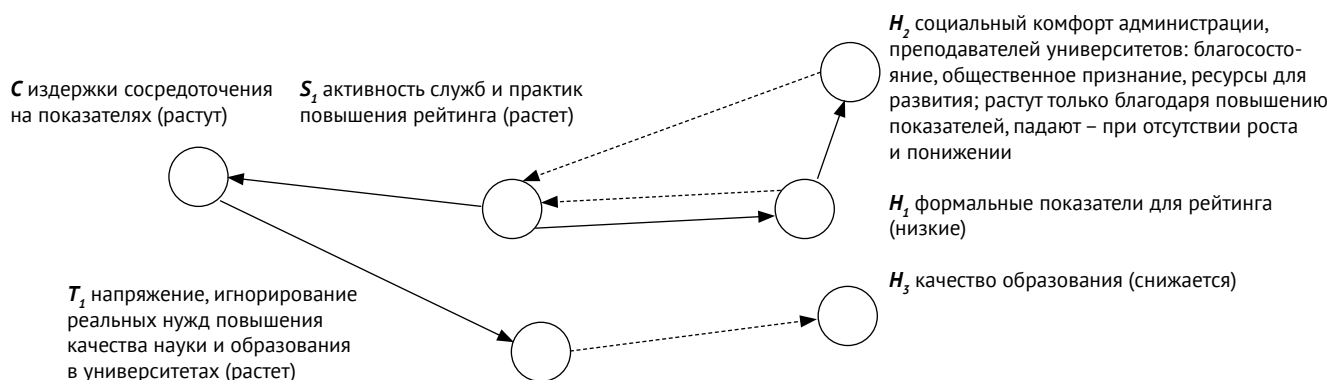

Рис. 2. Модель, объясняющая, почему гонка за показателями образования ведет к деградации образования

положительно – факторы и аспекты того самого качества [2; 5].

Покажем действие этой парадоксальной закономерности с помощью универсальной функциональной схемы, предложенной социологом Артуром Стинчкомбом (рис. 1).

Для поддержания на приемлемом уровне *гомеостатической переменной H* (предмета постоянной заботы) используется *активность обеспечивающей структуры S* (социального института, практики, технологии, ритуала или традиции). Действие структуры *S* тем интенсивнее, чем ниже значения гомеостатической переменной *H* (негативная связь). Сама же структура *S* своим действием восстанавливает, усиливает *H* (положительная связь), тем самым, нейтрализуя угнетающее действие *напряжения T*.

Действие структуры *S* «не бесплатно» и сопровождается *издержками C*, которые растут по мере роста интенсивности *S* (положительная связь), причем рост издержек *C* естественным образом угнетает интенсивность структуры *S* (негативная связь), кроме того, может прямо усиливать напряжение *T* [12. С. 136; 7. С. 148–164].

В нашем случае коренной вопрос состоит в том, что является главным предметом заботы – гомеостатической переменной. В случае доминирования презентационной стратегии заботой является повышение формальных показателей, позволяющих повысить рейтинг университета. Если рейтинг недостаточный («никак не попадаем в топ-100»), то растет и активизируется обеспечивающая структура – все специальные службы, порядки требований, отчетности и контроля, деятельности факультетов, кафедр, руководства

и отдельных преподавателей, направленные на повышение показателей.

Согласно модели Стинчкомба, каждая такая активность имеет издержки, в данном случае издержки сосредоточения университетов на показателях. Всегда ли и обязательно ли повышение этих показателей ведет к росту качества образования? Не происходит ли игнорирование реальных нужд преподавания, исследований, поддержания и развития интеллектуальной культуры как изначального предмета заботы – пресловутой *миссии университета*⁵? Если так, то складывается системная связь следующего вида (рис. 2).

Как видим, главная – «презентационная» – активность *S1* растет при недостаточно высоких формальных показателях *H1* и низком социальном комфорте администрации, преподавателей университетов *H2*. Она же через издержки *C* и напряжения *T1* ведет к деградации качества образования *H3*.

В этой модели просто нет никаких стимулов для повышения качества. А главное – нет никакой связи между социальным комфортом *H2* и качеством образования *H3*. Жизненные интересы руководства и преподавателей связаны сугубо с повышением «спускаемых сверху показателей». Не так ли?

⁵ Ср.: «Утрата университетской автономии способствовала превращению высших учебных заведений в фабрики по производству (на память приходит старый термин «штамповка») бакалавров, то есть отнюдь не специалистов, а в лучшем случае кандидатов в магистратуру, как правило же, клерков в многочисленных конторах разного профиля» [5].

Что обеспечивает сегодня качество образования

Рассмотрим направления выхода из стагнации и поставим теперь по главу угла качество образования.

Отнюдь не тривиальной задачей является определение компонентов этого качества⁶. Увы, здесь придется воспользоваться терминами, которые стали ненавистными для большинства преподавателей, регулярно переписывающих программы своих курсов в соответствии со все новыми «образовательными стандартами». Таковы понятия компетенций (более узких) и компетентности (более широкой), в частности «общекультурной компетентности»⁷.

Качество университетского образования в современную эпоху включает следующие компоненты:

- ◆ фундаментальность знаний как потенциал творчества – способность использовать базовые знания для постановки и решения новых задач;
- ◆ актуальность образования – владение выпускниками современными методами исследований и разработок, знакомство с передовым фронтом достижений в своей профессиональной области;
- ◆ востребованность обретенных компетенций – соответствие их запросам современного рынка труда, способность доучиваться и переучиваться в связи с быстроменяющимися запросами;
- ◆ общекультурную компетентность – способность к осмыслению явлений, выходящих за пределы профессиональной сферы.

Рассмотрим составляющие каждого компонента с особым вниманием на то, что никак не выполняется или весьма слабо поддерживается в современных российских университетах. Авторские оценки в скобках имеют субъективный, нерепрезентативный характер, они основаны только на личных наблюдениях автора, беседах с коллегами из многих университетов, на обсуждениях этих вопросов в социальных сетях.

Фундаментальность знаний как потенциал творчества предполагает присутствие, развитость в учебном процессе таких составляющих, как:

- ◆ традиционные лекции, семинары, домашние задания с решением задач (*есть*);
- ◆ современный опыт применения фундаментальных знаний, обсуждение новейших книг и статей, практических, технологических разработок, в которых эти знания используются (*крайне редко, почти нет*);
- ◆ систематическое изучение подходов, приемов, опыта решения новых творческих задач с помощью фундаментальных знаний (*нет*);
- ◆ история получения этих знаний, альтернативные версии, споры, доводы (*отчасти есть в курсах по истории науки*).

⁶ Справедливости ради следует сказать, что множество специалистов в области образования, педагогики заняты проблемами качества высшего профессионального образования, однако и здесь, как правило, главное внимание уделяется формальным критериям и расчетам формальных показателей, см., например, работу [10] и литературу к ней.

⁷ О необходимости формирования общекультурной и профессиональной компетентностей было сказано еще в книгах [8; 9] задолго до широкой министерской кампании по использованию уже многих десятков компетенций для гиперконтроля над учебным процессом в вузах.

Актуальность образования предполагает присутствие, развитость в учебном процессе таких составляющих, как:

- ◆ регулярные семинары с реферативными докладами, обсуждением ведущих журналов, книг лучших специалистов в данной профессиональной области мировой науки и технологии (*крайне редко, почти нет*);
- ◆ регулярное приглашение профессоров с курсами лекций из ведущих научных центров, семинары с их участием (*только в нескольких столичных университетах, и то sporadически, несистемно*);
- ◆ регулярные стажировки преподавателей в ведущих мировых университетах, научных центрах (*только в нескольких столичных университетах, и то sporadически, несистемно*);
- ◆ требования владения современными методами и средствами исследований и разработок при подготовке и защите квалификационных работ студентов, аспирантов, преподавателей (*только в нескольких университетах, и то sporadически, несистемно*).

Востребованность обретенных компетенций предполагает присутствие, развитость в учебном процессе таких составляющих, как:

- ◆ постоянное взаимодействие выпускающих кафедр с основными, потенциальными предприятиями-работодателями, а также кадровыми агентствами, промышленными палатами для отслеживания меняющихся требований к выпускникам на рынке труда (*крайне редко, почти нет*)⁸;
- ◆ финансирование востребованных образовательных программ, отдельных профилей, курсов заинтересованными фирмами или их альянсами (*редко*);
- ◆ привлечение успешных выпускников для чтения отдельных курсов, временной преподавательской работы для знакомства студентов с новейшими, востребованными методами работы (*редко*).

Общекультурная компетентность предполагает присутствие, развитость в учебном процессе таких составляющих, как:

- ◆ обязательные курсы по философии, социальным и гуманитарным наукам (*есть, но слабо связаны с жизнью и нередко сокращаются*);
- ◆ анализ актуальных явлений культуры, социальной жизни, внутренней и внешней политики на основе классических и современных концепций и моделей (*очень редко, почти нет*);
- ◆ поощряемое университетом участие студентов в волонтерской деятельности, институтах гражданского общества, общественных движениях (*редко*);
- ◆ регулярные публичные лекции, диспуты с приглашением специалистов, активистов, политиков, деятелей культуры (*очень редко, почти нет*).

Вполне допускаю, что в данных перечнях многое упущено и не слишком удачно сформулировано. Возможны и должны появляться иные версии требований к современному

⁸ Ср.: «С точки зрения работодателей, наиболее серьезной проблемой является отсутствие у выпускников навыков решения конкретных производственных задач <...>. На второе место по значимости работодатели направления "IT" поставили низкую активность вузов при реализации совместных проектов по подготовке студентов, а кроме того, слабый учет реальных проблем отрасли при организации учебного процесса» [1. С. 42].

университетскому образованию. Но в любом случае встает следующий кардинальный вопрос: *что побудит администрацию, профессоров и преподавателей университетов вдруг озаботиться качеством образования?*

Системный подход к мотивации

Общий теоретический ответ системного характера уже был дан: нет требуемых обратных связей между качеством образования выпускников и уровнями социального комфорта (благополучием, общественным признанием, ресурсами для развития) университетских администраторов и преподавателей.

Эта связь налаживается двумя классическими способами: через «кнут» и через «пряник» (рис. 3).

Здесь нижняя часть схемы отображает действие «кнута»: от низкого качества образования **H3**, невостребованности выпускников на рынке труда администрация и преподаватели университета должны испытывать нарастающий дискомфорт **T2**, давление на свое благополучие и социальное самочувствие **H2**. Иначе, зачем им о качестве образования заботиться? Увы, одни только моралистические увещания не работают.

Верхняя часть той же схемы отображает действие «пряника». Не только и не столько хорошая отчетность, выполнение министерских требований **H1** (см. рис. 2) должны мотивировать и вести к социальному комфорту. При высоком качестве образования **H3**, востребованности на рынках труда, профессиональных и социальных успехах выпускников, в университет должны притекать новые, дополнительные ресурсы **R**: от самих выпускников, от местных элит как работодателей выпускников, от родителей будущих учащихся, наконец, талантливые абитуриенты начинают предпочитать университет с лучшим качеством образования. Все эти «бонусы», ресурсы и открывающиеся возможности способны увеличить активность практик **S2**, направленных на дальнейшее повышение качества образования.

Если большинству российских университетов в настоящее время, увы, необходим «кнут», то примерами действия «пряника» являются самые знаменитые и успешные западные университеты: от Оксфорда, Кембриджа и Сорбонны

до Гарварда, Йеля, Принстона, Чикагского университета, Стэнфорда, Беркли и др.

Пожалуй, в России только Высшая школа экономики демонстрирует яркую положительную динамику, хотя успех ВШЭ связан не только с высоким качеством образования, но и с известной близостью к административным ресурсам.

От бюрократической отчетности к конкурентной борьбе за качество образования

Итак, прорыв к высокому качеству образования требует установления указанных обратных связей, практически отсутствующих сейчас.

Самым нормальным, здоровым стимулом к росту качества деятельности, в т.ч. качества образования, является конкуренция, причем не за внимание министерских чиновников, а за талантливых абитуриентов и за поддержку бизнес-структур, местных сообществ, местных властей, заинтересованных в специалистах и в уровне образования в своем регионе или городе. В этом плане гораздо важнее, какой факультет какого вуза человек закончил, а вовсе не наличие «государственного образца» его диплома.

Как же в государственном финансировании избежать и вредной уравниловки и вредного, чреватого стагнацией, разделения вузов «по разрядам»? Качество университета определяется в конкурентной борьбе. По каким показателям можно об этом судить? За хорошее образование готовы платить, во-первых, родители абитуриентов, а во-вторых, частные фирмы и местные бизнес-сообщества через разные формы поддержки. Вот *пропорционально этим полученным финансовым средствам на образовательном рынке вполне можно исчислять и государственную поддержку.*

Кроме того, государство может и должно быть заинтересовано в преимущественном развитии каких-то особо важных, прежде всего инновационных направлений. Опять-таки никакого министерства для этого не требуется. Такие задачи давно успешно решаются *созданием фондов и общественных специализированных советов*, включающих лучших отечественных и зарубежных специалистов в каждой данной отрасли знания, которые на конкурсной

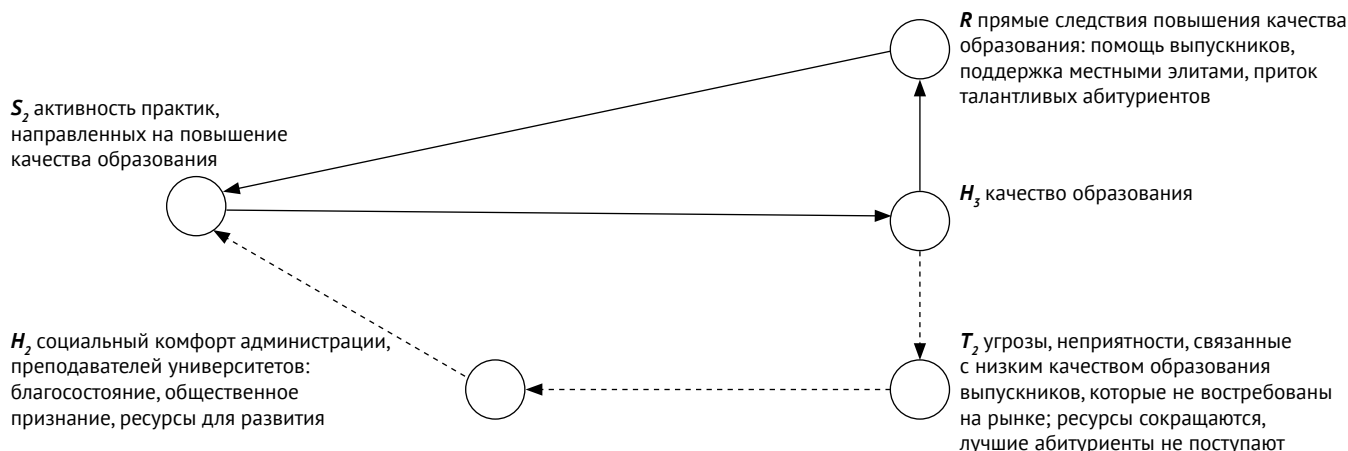

Рис. 3. Модель требуемых взаимосвязей, ведущих к повышению качества образования в университетах

основе вполне могут определять, каким вузам, факультетам и кафедрам какую особую поддержку оказать.

Привычно уповать на государство (соответственно его профильное ведомство) уже не приходится: ну нет и не намечается Гумбольдтов в наших коридорах власти! Единственный видимый субъект — профессиональные сообщества, академические ассоциации. Эти сообщества лишены своих финансовых средств, у них нет и не будет каких-либо административных рычагов влияния на высшую школу. Зато у них есть авторитет (уж какой накоплен).

Экономическая эффективность и прибыльная деятельность университета не означают, что университет как коммерческая фирма занимается только теми сферами и проблемами, которые приносят прибыль. В то же время университет не является благотворительным фондом, как правило, он не имеет достаточных средств для поддержки неприбыльной деятельности. Выход состоит в формировании разнообразных коалиций с местными органами власти, бизнес-сообществом и средствами массовой информации, в учреждении требуемых фондов и др. Это, кстати сказать, вполне соответствует идее «третьей миссии университета».

Снижение или элиминация влияния ученых советов — коллегиальных сообществ профессоров, предоставление всех прав принятия решений «инновативному менеджменту» было бы неверным и недальновидным решением: при этом теряется университетская специфика и появляется опасность разрыва связей между поколениями. Выход состоит в привлечении членов коллегиальных со-

обществ к новым формам деятельности университетов, в т.ч. прибыльным или имеющим грантовую поддержку, финансирование от местных властей или бизнеса.

Заключение

Ситуация конкуренции на реальном рынке не бывает простой. Никакой легкой жизни и расслабления на этом пути администрациям вузов, профессорам и преподавателям обещать не приходится. Только усилия будут направлены совсем в иную сторону.

Никаких справок и программ для отчетности. Зато придется думать о таких вопросах, как:

- ◆ что происходит на рынке труда;
- ◆ какие новые специальности уже востребованы или будут востребованы;
- ◆ каких лучших специалистов привлечь и какие новые курсы создать;
- ◆ чем заинтересовать абитуриентов;
- ◆ как показать свою перспективность местному бизнес-сообществу;
- ◆ какие развивать научные исследования и как способствовать формированию научных школ в университете;
- ◆ как лучше развивать гуманитарные дисциплины, чтобы поднять престиж и рейтинг вуза?

Заметим: каждый раз речь здесь идет не о бумажках, планах и отчетности. Речь идет о *реальных делах по развитию университета*. О том развитии, без которого в конкурентной борьбе не выжить и не подняться.

Литература

1. Аблажей А.М. Качество высшего профессионального образования: опыт комплексного социологического анализа (на пример вузов Новосибирска) // Вестник Томского государственного университета. — Серия «Философия. Социология. Политология». — 2010. — № 1 (9). — С. 37–44.
2. Бабинцев В.П. Бюрократизация регионального вуза // Высшее образование в России. — 2014. — № 2. — С. 30–37.
3. Гуриев С.М. Наше самое высшее образование // Российское образование: тенденции и вызовы. — М., 2009. — С. 63–70.
4. Иноземцев В.Л. Хорошее образование в России — миф // Ведомости, 03.10.2011.
5. Кабацков А., Лейбович О. «По духу времени и вкусу»: доцент как невольник // Новое литературное обозрение. — 2016. — № 142 (6). — С. 325–348.
6. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. — М., 2015.
7. Разработка и апробация метода теоретической истории. — Новосибирск, 2001.
8. Розов Н.С. Культура, ценности и развитие образования. — М., 1992.
9. Розов Н.С. Философия гуманитарного образования. — М., 1993.
10. Селезнева Н.А. Качество высшего образования как объект системного исследования. — М., 2003.
11. Соколов М.М. Российский университет как политическая система. — URL: <http://polit.ru/article/2014/03/29/university/>
12. Stinchcombe A. Constructing Social Theories. — Chicago & London, 1987.

References

1. Ablezhey, A.M. Quality of higher professional education: experience of complex sociological analysis (example of high schools of Novosibirsk). *Vestnik of Tomsk state university. Ser. "Philosophy. Sociology. Politology"*. 2010, no. 1 (9), pp. 37–44.
2. Babintsev, V.P. Bureaucratization of regional high school. *Higher education in Russia*. 2014, no. 2, pp. 30–37.
3. Guriev, S.M. Our very higher education. In: *Russian education: tendencies and challenges*. Moscow, 2009, pp. 63–70.
4. Inozemtsev, V.L. Is it a myth, good education in Russia. *Vedomosti*. 03.10.2011.
5. Khabatskov, A., Leybovich, O. "On the spirit of time and taste": the docent as a slave. *New literature review*. 2016, no. 142 (6), pp. 325–348.
6. Collins, R. Macro-history: essays in sociology of big longitude. Moscow, 2015.
7. Elaboration and approbation of the method of theoretical history. Novosibirsk, 2001.
8. Rozov, N.S. Culture, values and development of education. Moscow, 1992.
9. Rozov, N.S. Philosophy of humanitarian education. Moscow, 1993.
10. Selezneva, N.A. Quality of higher education as the object of system research. Moscow, 2003.
11. Sokolov, M.M. Russian university as political system. URL: <http://polit.ru/article/2014/03/29/university/>
12. Stinchcombe, A. Constructing Social Theories. Chicago & London, 1987.